

В. П. САПОН

«Огонь по своим»: Критика кропоткианской доктрины российскими анархо-теоретиками начала XX в.

На рубеже XIX–XX вв. в рядах российских антигосударственников доминирует учение П. А. Кропоткина, большинство в местных организациях составляли его последователи — *анархо-коммунисты (хлебовольцы)*. В ходе Первой российской революции формируются течения *анархо-синдикалистов* и *анархо-индивидуалистов*. Новый этап развития русского анархизма характеризуется рядом существенных моментов, которые и определили организационное и идейное дробление единого поначалу движения. Молодые идеологи начинают критический обстрел наиболее сомнительных, на их взгляд, положений классического анархизма, пытаясь на основе своих доводов создать непротиворечивую теорию безгосударственности.

Так, видный анархист А. А. Боровой критиковал «апостола анархии» за то, что тот, призывая изучать человеческую историю с помощью объективного естественнонаучного метода, ограничивался субъективными этическими мерками при оценке государства и его роли в истории. По мысли А. А. Борового, «у государства, играющего в изложении Кропоткина бесценно роль гробовщика свободного общества, были причины появления более глубокие», чем рисуется в кропоткинских исследованиях. Не разделяет он и преклонения классика анархизма перед коммунальным принципом общественной жизни, поскольку, по его наблюдению, в некоторых догосударственных человеческих сообществах-коммунах наблюдалась та же «способность убивать свободную личность и свободное творчество, как и в современном государстве»*.

* Боровой А. А. Рецензия на книгу П. А. Кропоткина «Современная наука и анархия» // Голос минувшего. 1913. № 8 С. 280.

Еще более жесткой критике подверг «мятежного князя», так же как М. А. Бакунина и Л. Н. Толстого, анархист-ассоциационер Лев Черный (П. Д. Турчанинов). По убеждению последнего, П. А. Кропоткин являлся анархистом лишь в политической сфере, а во всех прочих отношениях, особенно в экономической теории, оставался ярким коммунистом*. (В представлении Л. Черного, коммунизм — это идеология уравнивания и подчинения индивида произволу большинства**.)

Анархо-синдикалисту Е. И. Кирилловскому (Д. И. Новомирскому) представлялось, что учение Кропоткина «слишком изобилует остатками чисто народнических предрассудков с их крайним субъективизмом, сентиментальностью и интеллигентским гуманизмом». Теоретик анархо-синдикализма поставил своей целью основать антиэтатистское мировоззрение на «твердом реалистическом базисе» классовой борьбы, а не кропоткианской «туманной «взаимопомощи» «***.

Д. Новомирский начинает критический анализ с первооснов — с понятийного базиса анархизма-коммунизма. Он утверждает, что рассматриваемое политическое течение не сумело успешно синтезировать ценности анархизма, ратующего за абсолютную свободу творческого самовыражения личности, и коммунизма, признающего «верховным господином, сувереном общество, а личность ее орудием, которое должно служить так называемому «общественному благу» «****. Полная свобода личностного творчества и коллективное производство в принципе несовместимы, поскольку они «вращаются в совершенно разных плоскостях». Следовательно, анархическому коммунизму никогда не удастся создать подлинной гармонии двух начал, заявленных в самом его названии — рано или поздно придется сделать стратегический выбор. «Общественная жизнь, — пишет Д. Новомирский, — неумолимо жестока ко всяким компиляциям и, постепенно отмечая всякие фразеологические элементы, беспощадно обнажает внутренний смысл всякой доктрины... Волей-неволей и анархисты-коммунисты *на практике* должны будут расстаться с одним

* См.: *Черный Л.* Новое направление в анархизме: ассоциационный анархизм. М., 1907. С. 110.

** Там же. С. 105.

*** *Новомирский Д. И.* Из программы синдикального анархизма. СПб., 1907. С. 4.

**** *Новомирский [Я.]* Что такое анархизм. [Б. м.]: Голос труда, 1907. С. 45.

из обоих своих основных принципов. Как у социалистов-демократов стоит вечно перед глазами огненный вопрос: или социализм, или демократия, — так и анархисты-коммунисты поставлены перед дилеммой: или анархизм, или коммунизм. И как жизнь показала, что на практике социальная демократия есть просто демократия плюс социалистическая фразеология, так опыт покажет, что анархический коммунизм есть в действительности коммунизм плюс анархистская декламация»*. Явный крен приверженцев кропоткианства в сторону коммунистического коллективизма будет обусловлен влиятельными внешними факторами как объективного, так и субъективного характера. Анархисты, как и любая другая политическая «партия», не смогут устоять от соблазна стать «пророками большинства», повести за собой широкие слои общества, поэтому они вынуждены будут сделать свое учение более понятным и привлекательным для масс. При этом им придется считаться с тем непреложным фактом, что «из двух борющихся коммунизм как социальное производство, есть нечто конкретное, осязательное, вполне доступное пониманию широких народных масс, а анархизм, как обожествление личности и личного творчества, есть конечная неуловимая точка мучительно долгого исторического процесса, который может страстно захватить только слабое меньшинство»**.

Поскольку системообразующим элементом анархической коммуны является организация *коллективного* производства, с конкретными целями, с планом и с соответствующей системой формализованных требований, постольку в ней сохраняются институциональные инструменты социального контроля и регулирования поведения личности, вплоть до давления на нее. Свобода объединяться на основе добровольного договора будет доступна членам коммуны лишь на этапе первоначального оформления новых общественных и производственных отношений. В дальнейшем же, предрекает Д. Новомирский, «свобода менять ассоциации превратится в издевательство над личностью с того момента, как каждый производительный союз, приспособляясь к условиям своего производства, примет более или менее определенный вид, выработает регламент, по его мнению, наиболее целесообразный. С этого момента каждая новая личность

* Там же. С. 47.

** Там же. С. 47–48.

вынуждена иметь дело уже не с равными ей личностями, а с могучими *организациями*, которым личность должна покориться, но которых она не может покорить»*.

С подобными препятствиями на пути к абсолютной свободе личность встретится и вне производственной сферы. Ни один социум не может существовать без определенных норм, направляющих поведение его членов. «Но где есть норма, хотя бы и созданная свободно, а не навязанная извне, где есть норма, хотя бы основанная на свободном договоре, неизбежно нарушение этой нормы», а значит неизбежно и появление общественных органов защиты права. В анархической коммуне, по замыслу П. А. Кропоткина и его последователей, сохранится суд (пусть даже в виде *третейского* суда, избираемого свободными личностями), причем в этом институте «коммунистическое общество будет нуждаться еще больше, чем современное, так как этот суд будет единственной уздой личности»**. Иллюзией является утверждение кропоткианцев, что третейский суд является не авторитарным, а совещательным учреждением: в его распоряжении окажутся не только нравственное порицание провинившихся, но и изгнание их из коммуны — наказание, «иногда равносильное смертной казни»***. Таким образом, если довести до логического завершения замыслы анархистов-коммунистов, даже после победы антигосударственнической революции в обществе сохраняется антагонизм коллектива и личности, который подразумевает насильственные формы регулирования и управления социальными процессами, хотя они и прикрываются анархистской фразеологией. Такая постановка вопроса, по убеждению критика коммунистического анархизма, далека от решения исторической проблемы реального освобождения угнетенной личности.

«В анархической коммуне, — решительно заключает Д. Новомирский, — только в иной форме повторяется комедия демократии, в которой народ самодержавен — самодержавен в выборе своего господина. Его самодержавие... длится ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы переизбрать законодателей, чтобы перековать старые цепи. Пусть чувствительные и лицемерные буржуа радуются такой трогательной свободе, — анархизм

* Там же. С. 50.

** Там же. С. 35.

*** Там же. С. 43–44.

настоящий, неподкупно суровый анархизм, а не подслащенный анархизмом коммунизм, презирает ее. Он гордо зовет личность к полной абсолютной свободе и не дает ей склонить колени перед новыми господами: ни перед Социалистическим Правительством, ни перед Анархической Коммуной, ни перед Свободной Рабочей Ассоциацией, ни даже перед Союзом Эгоистов»*.

Подлинным продолжателем анархистской традиции борьбы за свободу личности является, по определению Д. Новомирского, «революционный индивидуализм». Эта идейно-политическая доктрина трактует анархию двояко. С одной стороны, анархия — это новый мир, самопроизвольно выросший после уничтожения всех норм, насильственно скрепляющих общество. В основу свободного объединения в коллективы личности положат *«не устав, не договор о взаимной помощи, а свое естественное влечение, свое внутренне духовное сродство»***. Другая, *динамическая*, трактовка рассматривает анархию не как «идеальное общество, в котором будут жить безмятежно блаженные люди», а как процесс *беспрерывного и безграничного* расширения свободы личности.

Впрочем, когда речь заходит о постановке анархистами революционных задач текущего периода, а не далеких перспектив, Д. Новомирский использует те же методологические и риторические средства, за которые он подвергает суровой критике социал-демократов и анархо-коммунистов. В частности, теоретик *революционном индивидуализма* предлагает в изложенном им идеале анархии видеть «только путеводную звезду в сложном лабиринте явлений действительности», а *на практике* руководствоваться «более конкретными фактами». Внимательный анализ политической реальности, пишет Д. Новомирский, «должен нам указать, какие именно учреждения стоят раньше всего на пути к нашей величавой идее, и по этим конкретным учреждениям, а не в отвлеченное пространство, должны мы открыть убийственный огонь. Стало быть, *лозунгом нашим может быть только такой конкретный призыв, который разрушает какой-нибудь определенный институт, а не отвлеченная идея свободы* (выделено нами. — В. С.)»***. Пределы личной свободы

* Там же. С. 43–44.

** Там же. С. 77.

*** Там же. С. 79.

личности задаются в истории тремя внешними силами, тремя «сферами необходимости» — *классом* (классовым обществом настоящего), *обществом* (бесклассовой анархической коммуной будущего) и *природой*. Прежде всего личность сталкивается с институтами эксплуататорского общества, которые воплощают монополию правящего класса на собственность, власть и знания, составляют «оплот буржуазии против натиска пролетариата», эти институты и есть первая цель анархистов.

Обобщая свой ответ на традиционный вопрос «что делать?», Д. Новомирский выступает уже не как либертарный максималист и проповедник абсолютной свободы творчества, а как трезвомыслящий политик-радикал. «Народу теперь начинает грезиться Анархическая Коммуна. Ему кажется, что устранение современного общества даст ему «счастье» и волю. Мы должны, понятно, учить его нашему пониманию свободы, но уйти от жизни может только трус. *Мы должны сделать своим тот лозунг, который только мыслим для народа при современном строе жизни. Максимум, который только доступен массам, есть устранение классового господства — уничтожение собственности, государства и умственных привилегий*, т. е. Анархическая Коммуна. Все мы одинаково горячо хотим устранения, по крайней мере, первой категории необходимости: «класс» (выделено нами. — В. С.)». Таким образом, начав с беспощадной критики теоретических основ кропоткианской концепции коммунистического радикального либертаризма, Д. Новомирский при постановке практических задач современных антигосударственников фактически сделал поворот на 180 градусов и заявил о поддержке программы анархизма-коммунизма.

Очевидно, что попытки младоанархистов начала XX в. отмежеваться от «заветов отцов» носили полемический, декларативный характер. Намереваясь модернизировать доктрину анархизма, они, говоря словами их современника, «аргументируют так, как самые заправские коммунисты». Как анархо-синдикалисты и так называемые «индивидуалисты» (по крайней мере, А. А. Боровой и Л. Чёрный), так и критикуемые ими кропоткианцы, используя различную терминологию и настаивая на своеобразии своих революционно-тактических установок, единодушно стремились к свержению самодержавного строя и созданию такого соци-

* Там же. С. 81.

ально-экономического уклада, в котором непосредственный контроль над всеми сферами общественного жизнеобеспечения осуществлялся бы трудовым народом, организованным в свободные ассоциации. Все указанные течения российского анархизма пытались синтезировать в своей идеологии коллективистские и индивидуалистические начала, обеспечивающие баланс интересов отдельной личности и человеческих общностей. Выступая против государства как монопольного субъекта социального управления, мыслители-анархисты в своих концепциях «легитимизируют» необходимость властных структур, которые отождествляются у них с органами самоуправления трудовых коллективов и объединений. Что же касается взаимной критики в рядах сторонников безвластия, то она не носила принципиального характера и была направлена на совершенствование тактического арсенала революции. Борьба мнений и появление новых концепций анархизма в первые десятилетия XX в. свидетельствуют о динамичности идейного комплекса этой разновидности либертарного социализма, его способности к развитию и самосовершенствованию.

